

120 дней Содома, или Школа разврата

Автор:

Маркиз Сад

120 дней Содома, или Школа разврата

Маркиз де Сад

Самые откровенные, шокирующие, порочные фантазии в романе величайшего знатока эротики Маркиза де Сада. Философия разрушения, превознесения порока, все виды изнасилований и наказаний – в романе «120 дней Содома, или Школа разврата», написанном в Бастилии. Рукопись была спрятана де Садом в стене камеры и случайно обнаружена только в 1900 году. По мотивам книги снята драма Пазолини «Сало, или 120 дней Содома» – о последних днях итальянского фашизма.

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

120 дней Содома, или Школа разврата

© Е. Храмов, перевод на русский язык. Наследники, 2017

* * *

Почему Сад?

В конце Второй мировой войны, когда от обширной империи Муссолини осталась небольшая часть на севере Италии, Гитлер позволил своему верному союзнику

попользоваться напоследок властью – вождь итальянского фашизма возглавил так называемую «Республику Сало», названную по имени своей «столицы», маленького городка Салол. В эти дни четверо крупных фашистских иерархов решают в приближении конца «потешить» себя. В брошенный владельцем просторный помещичий дом их молодчики сгоняют окрестных девушек и юношей, из которых после тщательного отбора оставляют самых красивых. Четыре месяца (120 дней) четверо негодяев развлекаются с ними. Четыре месяца самого разнузданного разврата, изощренных сексуальных извращений и мучительных пыток, приводящих к увечьям и смерти жертв. Не каждый может досмотреть до конца фильм гениального и безумного итальянского режиссера П. Пазолини «Сало». И зря – нужно пройти через все круги этого кинематографического ада, чтобы увидеть финальные кадры – радостный светлый танец двух прекрасных молодых существ, сохранивших в этой преисподней свежесть чувства и веру в любовь.

В основе фильма Пазолини лежит роман Донасьена-Альфонса-Франсуа де Сада «Сто двадцать дней Содома». Как случилось, что написанный в 1785 году роман оказался почти через два столетия востребованным итальянским режиссером для обличения фашизма?

Уходящий XX век предстал перед нами как жесточайшая проверка всех гуманистических ценностей, выработанных человечеством. Государственные режимы, действовавшие на пространстве этого века во многих странах, составлявших куда больше одной шестой мира, создав страшные машины подавления и репрессий, обесценили человеческую жизнь. Все чаще и во все более широких масштабах насилие стало проявляться в отношениях между людьми и в международных отношениях. Не случаен потому интерес многих современных ученых к проблеме насилия, к проблеме агрессивности в человеке. Восходит ли агрессивность, разрушительное начало к докультурному, бессознательному прошлому или, наоборот, именно культура способствовала проявлению агрессивности, создав множество запретов и табу, пробуждающих в человеке желание «освободиться» от них? Среди современных исследователей есть сторонники как первой, так и второй точки зрения.

Но ясно и недвусмысленно попытался ответить на этот вопрос человек, живший в далеком XVIII веке и подписывающий свои произведения «Маркиз де Сад».

Одним из первых в европейской культуре он осознал, что всякое общество, демократическое или тоталитарное, навязывает людям те или иные эротические

стандарты, пытается вмешаться в сферу жизни, считающуюся личной, интимной, – именно так определил значение де Сада известный историк культуры профессор П. Ф. Гуревич (см. его предисловие к сборнику повестей де Сада, выпущенных издательством «Республика» в 1993 году).

Персонажи де Сада и восстают против этих попыток. Ничем не ограничивают они себя в усядах секса. С какими только видами перверсий не встречается читатель книг де Сада: гомосексуализм женский и мужской, фетишизм, скотоложство. Словом, загляните в учебник сексопатологии – и вы найдете там все, что описано у бунтующего маркиза. Что ж, по убеждению де Сада, в этой сфере человек должен быть свободен.

Да вот беда: в большинстве случаев все эти «пиршества плоти» осуществляются путем насилия; не с партнерами, а с жертвами. Непременным условием получения наслаждений для многих героев де Сада является причинение страданий своей жертве, причем не только физических, но и моральных. Главным предметом исследований де Сада становится насилие, и оправданием, причем зачастую хитроумным и логически убедительным, заняты его герои. Известная французская писательница Симона де Бовуар считает, что Сад заслуживает внимания прежде всего не как писатель или философ, а потому, что «его отклонения от нормы приобретают ценность, когда он разрабатывает сложную систему их оправдания. Сад старается представить свою психофизиологическую природу как результат этического выбора» (цит. по «Эрос», М., 1991).

Относительно «своей» натуры добавим, в пояснения слов французской исследовательницы, что в большинстве ужасов, представленных в его книгах, Сад был неповинен. За ним водилось лишь пристрастие к гетеросексуальному анальному коитусу да к флагелляции; более того, этот «кровожадный маркиз», будучи во времена Революции судьей, не вынес ни одного смертного приговора (за что и поплатился еще одним тюремным заключением).

И еще одно замечание. На все хитроумные доводы в оправдание своих злодейств герои де Сада встречают лишь одно возражение со стороны своих жертв. «А как же Бог?» – спрашивает кроткая Жюстина, защищаясь от посягательств на ее добродетель. И тут начинается проповедь безверия, атеизма, произносятся кощунственные слова и осуществляются кощунственные действия – все сгодится в дело, чтобы доказать, что Бога бояться нечего, что он химера, выдумка, вековое заблуждение. «Раз Бога нет – все дозволено», – задолго до Достоевского

«садисты» формулировали эту мысль. Вот почему и сегодня так злободневен французский маркиз, и совершенно справедливо Виктор Ерофеев свое предисловие к десяти tomному собранию сочинений де Сада озаглавил «Мой Сад, мой современник».

В Советском Союзе де Сад долгое время был под запретом, даже в Библиотеке иностранной литературы нельзя было получить его книги. Теперь ситуация изменилась. В девяностых годах вышли и «Жюстина», и «Жюльетта», и «Философия в будуаре», и другие вещи. Переведена на русский язык и книга Дональда Томаса «Маркиз де Сад» (Смоленск, «Русич», 1998), к которой мы и отсылаем заинтересовавшихся жизнеописанием французского писателя и мыслителя. Мы скажем лишь несколько слов о самом скандальном романе де Сада, который мы предлагаем нашим читателям.

«Сто двадцать дней Содома» писались в тюрьме, в той самой Бастилии, которой предстояло рухнуть через несколько лет после написания романа. Де Сад сам сообщил нам о сроках своей работы: «этот огромный свиток был начат 22 октября 1785 года и закончен за тридцать семь дней».

Да, работать этот французский аристократ умел. Рулон бумаги длиной в 12 с лишним метров, заполненный его мелким почерком, с замечаниями на полях, составивший в пересчете на современный лад четыреста пятьдесят страниц убористого текста, был заполнен за месяц с небольшим! Таких темпов вряд ли можно достичь в наш компьютерный век. Мы знаем о занятиях заключенных, желающих как-то убить время, бесконечно тянущееся в тюремных стенах. Маркиз де Сад в своей камере в Бастилии не убивал время – он создавал его. Ежедневно с семи часов вечера и иногда до полуночи он создавал свой мир, в котором его героям предстояло прожить четыре месяца. Возможно, роман предназначался лишь самым близким друзьям, он был не для посторонних глаз. Поэтому и так необычен способ его написания. Вместо переплетенных тетрадок, в которых маркиз писал обычно и скрыть которые почти невозможно, он писал на небольших листках бумаги шириной в 12 сантиметров, склеенных в огромный двенадцатиметровый свиток, который он и начал заполнять своим мелким и четким почерком. Когда «рабочий день» кончался, маркиз прятал свернутый свиток за портьерами в стене камеры. Там он и остался, когда де Сад был выпущен из Бастилии. Сам автор считал роман утерянным и никаких попыток вернуться к нему не делал. Почему?

По-видимому, написав первую часть романа, Сад решил, что с его работой что-то не так. Он составил список ошибок, совершенных им при написании первой части, и набросал план трех последующих частей.

Свиток де Сада был найден спустя сто двадцать лет. В разных издательствах и на разных языках выходила эта книга, которая «считается, с одной стороны, самой гнусной из когда-либо написанных книг, с другой – искусно изложенным откровением самых темных человеческих фантазий» (Д. Томас).

Это определение одного из исследователей жизни и творчества де Сада помогло нам решить проблему «неоконченности» романа. Если первая часть, посвященная ста пятидесяти «простым страстям», действительно является искусным изложением и представляет, несомненно, художественный интерес, то три последующие, описывающие страсти «сложные», «преступные» и «смертельные», являются простым перечнем различных патологических случаев и протокольной записью растления того или иного юного «предмета» («В этот вечер герцог лишил такую-то невинности спереди, а епископ такого-то сзади»). Они имеют только клинический интерес и годятся разве что в академическом издании.

Евгений Храмов

* * *

Многочисленные войны, которые пришлось вести Людовику XIV в годы своего правления, истощив и финансы государства, и жизненные силы народа, открыли, однако, секрет обогащения невероятному числу кровососов, кои всегда вместо того, чтобы смягчить последствия общих бедствий, стремятся использовать их ради своей пущей выгоды. Завершение этого царствования, впрочем, весьма блестящего, являвшего собой, быть может, вершину могущества Франции, отмечено возникновением множества сомнительных состояний, чьи владельцы поражали не только роскошью, но и заботливо скрываемым развратом.

Незадолго до того, как Регент попытается с помощью знаменитого трибунала, известного под именем Палаты Правосудия, задушить этих богатеев-

откупщиков, четверо из них, мнивших себя единственной в своем роде элитой порока, задумали некое предприятие, о чем и будет рассказано ниже.

Было бы ошибкой думать, что беззастенчивым собиранием налогов занимались люди низкого звания. Отнюдь – к этому были причастны сливки общества. Герцог Бланжи и его брат епископ ***, оба баснословно разбогатевшие на откупах, являют неоспоримое доказательство того, что благородное происхождение подчас совсем не мешает обогащению подобными средствами. Оба этих достославных персонажа, тесно связанные деловыми отношениями и погоней за удовольствиями с небезызвестным Дюрсе и президентом Кюрвалем, первыми замыслили оргии, историю которых мы описываем теперь, и вкупе с двумя своими друзьями стали организаторами и участниками этого невероятного распутства.

В течение шести лет четыре распутника, объединенные богатством, знатностью и высоким положением в обществе, укрепляли свои связи браками, целью которых был прежде всего разврат. Именно он был основой этих союзов. И вот как это происходило.

Герцог Бланжи, трижды вдовец, имевший от одного брака двух дочерей, узнав о том, что президент Кюрваль хочет жениться на старшей из них, несмотря на то, что ему было известно о вольностях, которые отец допускал по отношению к ней, герцог, говорю вам, сразу же представил себе преимущества этого тройного союза.

– Вы хотите жениться на Юлии, – сказал он Кюрвалю. – Я вам отдаю ее без колебаний, но с одним условием: вы не будете ревновать, если она, уже будучи вашей женой, не перестанет оказывать мне те же милости, что и до брака. Кроме того, вы поможете мне убедить нашего общего друга Дюрсе выдать за меня его дочь Констанцию, к которой я питаю чувства, весьма похожие на те, которые вы испытываете к Юлии.

– Но, – заметил Кюрваль, – вы, конечно, не можете не знать, что Дюрсе не меньший распутник, чем вы...

– Я познал все, что можно, – отвечал герцог. – Да разве в нашем возрасте и с нашими взглядами на вещи подобная малость может меня остановить? Вы думаете, я ищу в жене только любовницу? Она нужна мне для удовлетворения

моих капризов, моих тайных желаний и страстей, которые покров Гименея окутает самым надежным образом. Одним словом, я желаю ее так же, как вы желаете мою дочь. Вы думаете, я не знаю о ваших целях и желаниях? Мы, сластолюбцы, поработаем женщину. Положение жены обязывает ее быть более покорной, чем любовница, а уж вам ли не знать, какую роль в наслаждении играет ничем не ограниченная власть!

За этой беседой и застал их Дюрсе. Друзья поведали ему о содержании их разговора и были рады услышать, что и он питает нежные чувства к Аделаиде, дочери президента. Дюрсе согласился принять герцога в зятя при условии, что сам он станет зятем Кюрваля.

Три свадьбы не замедлили состояться – с огромными придаными и с одинаковыми условиями контрактов. Президент признался в тайных отношениях с собственной дочерью, Дюрсе это нимало не смутило, и все три отца, желая сохранить свои права и в целях еще большего их расширения, признали, что три молодые особы, связанные со своими мужьями лишь имуществом и именем, телом принадлежат в одинаковой мере всем трем мужчинам, а если они этому воспротивятся, то будут наказаны самым жестоким образом в соответствии с договором, который подпишут.

Все уже было оговорено, когда появился епископ ***, хорошо знакомый с двумя друзьями своего брата по общему времяпрепровождению; он предложил добавить четвертого участника заключаемого союза, если трое других не станут возражать. Участником этим была вторая дочь герцога, она же племянница епископа, состоявшего в связи со своей невесткой, причем оба брата знали, что именно епископу *** обязана была своим появлением на свет юная Алина. Епископ наблюдал за развитием Алины с колыбели, и как вы легко можете догадаться, никак не желал упустить случай насладиться этим цветком, едва тот расцветет. Как видим, предложение епископа *** ни в чем не противоречило намерениям трех его сотоварищей. Ими тоже двигали самые низкие страсти. Что же касается красоты и молодости упомянутой особы, которыми предстояло насладиться, то именно по этой причине никто из троих не усомнился в предложениях епископа ***. Он, как и трое других, тоже пошел на определенные уступки, сохраняя не менее определенные права; таким образом, каждый из четырех наших героев оказался мужем всех четырех женщин.

Итак, чтобы помочь читателю разобраться, представим ему всю картину: герцог, отец Юлии, стал супругом Констанции, дочери Дюрсе; Дюрсе, отец Констанции,

стал мужем Аделаиды, дочери президента; президент, отец Аделаиды, женился на Юлии, старшей дочери герцога; и епископ ***, дядя и отец Алины, стал супругом трех других женщин, уступив, в свою очередь, Алину своим друзьям, но сохранив на нее известные права.

Счастливые свадьбы состоялись в расположенном в Бурбоннэ великолепном имении герцога, и я оставляю читателям возможность вообразить себе все оргии, происходившие там. Необходимость описать другие не позволяет нам сосредоточить внимание на первых. После этого союз наших друзей еще более окреп. И поскольку важно дать читателю полное представление о наших героях, эти небольшие подробности, как мне кажется, позволят лучше рассмотреть их портреты, которые я собираюсь представить в совершенной полноте.

Общество создало общую кассу, которой в течение шести месяцев управлял каждый по очереди. Фонды этой кассы, служившей лишь удовольствиям, были весьма велики. Огромные суммы расходовались на самые причудливые вещи, и читатель совсем не должен удивляться, когда ему скажут, что два миллиона франков было израсходовано за год только на радости стола и постели четырех развратников.

Четыре знаменитых сводницы и столько же сводников, вербующих мужчин, не знали иных забот в Париже и провинции, кроме того, чтобы найти самое лучшее и в женском, и в мужском поле для услады похоти наших героев.

Регулярно, четырежды в неделю, попеременно в четырех сельских домиках, расположенных за четырьмя различными воротами Парижа, устраивались совместные ужины.

На первый из них, целиком посвященный удовольствиям в духе Содома, приглашались только мужчины. Туда доставляли шестнадцать молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати лет для совокупления с нашими четырьмя героями, которые играли роли женщин. Молодых людей подбирали по размеру детородного органа. Было необходимо, чтобы член достигал такого великолепия, что никогда ни одной женщине не удавалось принять его в себя. Это был важный пункт договора, и поскольку деньги текли рекой и за ценой не стояли, условия редко не выполнялись. Чтобы испытать все удовольствия разом, к шестнадцати исполнявшим роли мужей, добавлялось такое же число более молодых юношей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет, которые выполняли роль женщин. Эти юноши должны были обладать свежестью,

грацией, красотой лица, невинностью и душевной чистотой – и всем этим в наивысшей степени. Ни одна женщина не допускалась на мужские оргии, где воплощалась вся роскошь празднеств Содома и Гоморры.

Второй ужин был посвящен девушкам из хороших семей, которые обязаны были оставить свое высокомерие и чопорность и соглашаться на самое недостойное с собой обращение, отдаваться причудливым капризам развратников и даже терпеть от них оскорбления. Число их обычно составляло двенадцать, и так как Париж не всегда мог поставить нужное число благородных жертв, на вечера иногда приглашались дамы другого сорта: жены судейских и офицеров. В Париже насчитывается от четырех до пяти тысяч женщин из этих двух сословий, которых нужда или страсть к разврату заставляют предаваться подобным занятиям. Их только надо было найти; наши развратники в своем деле толк знали, и на этом пути их ожидали порой настоящие открытия. Но из каких бы сословий ни были эти дамы, им приходилось беспрекословно подчиняться всему: здесь разврат, никогда не знающий границ, подогревался жестокостью и грязной бранью, хотя, казалось бы, благородное происхождение и условности света должны были избавить дам от подобных испытаний, но там, где они оказались, отказу быть не могло, а так как четверо наших злодеев имели вкусы самые гнусные, ценили разврат самый чудовищный, угодить им было делом нелегким.

Третий ужин был посвящен созданиям с самого дна общества, наиболее низким и непристойным, каких только можно встретить.

Тем, кто знаком с прихотями распутства, эта «изысканность» покажется естественной. Распутник испытывает особенное сладострастие в том, чтобы извлекать, так сказать, в нечистотах вместе с подобного рода тварями. Здесь он испытывает падение самое глубокое, распутство самое мерзкое, унижение самое полное, и эти удовольствия в сравнении с теми, которые испытали накануне с самыми утонченными девушками из общества, придают особую остроту наслаждению и в том, и в другом случаях. Ничего не было забыто, чтобы сделать разврат всеобъемлющим и пикантным. В течение шести часов на вечере появлялось до ста шлюх; не все они возвращались обратно. Но не будем упреждать события. Эта особая «изысканность» относится к деталям, о которых еще не настало время говорить.

Четвертый вечер предназначался девственницам. Их отбирали в возрасте от семи до пятнадцати лет. Условия были те же. Обязательным было

очаровательное личико и гарантия девственности. Она должна была быть подлинной. В этом заключалась невероятная утонченность разврата. Впрочем, наши распутники не стремились сорвать все цветы, да и как бы они это сделали, если девочек всегда было двадцать, а из четырех героев только два участвовали в этом акте: один из двух отставленных не испытывал эрекции, епископ же мог насладиться лишь таким образом, что девушка оставалась девственной, хотя и теряла свою честь. Тем не менее число всегда оставалось двадцать, и те девочки, которых не смогли лишиться невинности наши герои, становились добычей слуг, таких же развратных, как господа.

Помимо этих четырех вечеров по пятницам устраивались тайные и особливые, менее многочисленные, чем четыре вышеописанных, хотя, может быть, требующие еще больших затрат. На эти вечера приглашались лишь четыре молодые особы из состоятельных семей, вырванные у их родителей силой или с помощью денег. Жены наших развратников почти всегда участвовали в оргиях, и полное послушание, заботливость, а главное, их услужливость делали эти вечера еще более пикантными.

Что касается кухни на этих вечерах, то нет надобности говорить, что изобилие царило там наравне с тонкостью. Ни одно такое пиршество не обходилось менее чем в десять тысяч франков; привозилось все то, что Франция и заграница могли предложить наиболее редкого и экзотического. Вина и ликеры были в изобилии и большом разнообразии. Фрукты всех сезонов подавались даже зимой. Можно предположить, что стол первого монарха земли не обслуживался с такой роскошью и великолепием.

Вернемся теперь к началу нашего повествования и постараемся со всем тщанием нарисовать читателю портрет каждого из четырех героев, ничего не скрывая и не приукрашивая, с помощью кисти самой природы, которая, несмотря на беспорядок, порой отличается удивительной тонкостью, что часто, к слову, ей во вред самой. Ибо – осмелимся, между прочим, высказать рискованную мысль, – если преступление не обладает тем родом деликатности, что присуща добродетели, то не выглядит ли оно зачастую даже высоким и в какой-то степени величественным, превосходя в привлекательности томную и унылую добродетель?

Вы скажете, что в жизни для равновесия потребно и то и другое? И нам ли проникать в законы природы, нам ли решать, что более необходимо: порок или

добродетель? Чтобы склониться в этом споре на ту или иную сторону, надо обладать особыми, высшими полномочиями, которыми она нас не наделила. Но продолжим наше повествование.

ГЕРЦОГ БЛАНЖИ уже в восемнадцать лет стал обладателем огромного состояния, которое он значительно округлил с помощью махинаций по незаконному взиманию налогов. Он рано испытал на себе недоброжелательство толпы, взирающей на очень богатого юношу, ни в чем себе не отказывающего. Почти всегда в таких случаях мерилom собственных сил становится мера порока. Если бы герцогу была бы от рождения дарована простая, примитивная натура, то, быть может, она бы уравнивала опасности его положения. Но Природа, эта диковинная мать, иной раз словно сговаривается с Фортуной, чтобы та споспешествовала всем дурным склонностям, которыми она, Природа, награждает некоторых из своих созданий в целях, совершенно противных целям добродетели. Оттого, что Природа, повторю я, равно нуждается как в пороке, так и в добродетели, она вручила обладавшему несметным богатством Бланжи все свойства, необходимые для того, чтобы этим богатством злоупотреблять. Вместе со злодейски изощренным умом она вдохнула в него черную черствую душу, чудовищные вкусы и прихоти ужасающего разврата, которому герцог и предавался вволю. Рожденный лживым, грубым, властным, жестоким, себялюбцем, равно расточительным для своих удовольствий и скупым, когда дело шло о пользе других; враль, обжора, пьяница, содомит, кровосмеситель, убийца, поджигатель, вор – хоть бы одна добродетель в реестре его качеств! Да что я говорю? Он был убежден и часто повторял, что, чтобы стать полностью счастливым, человек должен пройти через все возможные пороки и никогда не позволять себе никаких добродетелей. Должно вершить только зло и никому никогда не делать добра. «Есть немало людей, которые совершают зло только в порыве страсти, – говорил герцог. – Справившись с заблуждением, их душа возвращается на путь добродетели. Вот так в ошибках и угрызениях совести проходит их жизнь, и в конце ее они уже не знают, какова же была их роль на земле».

– Эти создания, – продолжал герцог, – должны быть несчастны: всегда колеблющиеся, всегда нерешительные, они проходят по жизни, ненавидя утром то, что было ими сделано вечером. Познавая удовольствия, они дрожат, позволяя их себе, и таким образом становятся порочными в добродетели и добродетельными в пороке. Моя натура другая. Я не испытываю подобных колебаний в своем выборе. И так как я всегда уверен, что найду удовольствие в том, что делаю, раскаяние не ослабляет влечения. Твердый в своих принципах, которые сформировались у меня еще в молодые годы, я всегда поступаю в

соответствии с ними. Они помогли мне понять пустоту и ничтожество добродетели. Я ее ненавижу и никогда к ней не вернусь. Я убедился, что порок – это единственный способ заставить человека испытать сладострастие, этот головокружительный трепет, моральный и физический, источник самых восхитительных вожделений. С нежных лет я отказался от химер религии, убедившись, что существование Бога – это возмутительный абсурд, в который ныне не верят даже дети. И я не собираюсь сдерживать свои влечения, чтобы ему угодить. Ими меня наделила природа, и если бы я им воспротивился, это возмутило бы ее. Если она дала мне плохие наклонности, значит, считала таковые необходимыми для меня. Я – лишь инструмент в ее руках, она вертит мною, как хочет, и каждое из совершенных мною преступлений служит ей. Чем больше она мне их внушает, тем, значит, более они ей нужны. Я был бы глупцом, если бы противился ей! Таким образом, против меня только законы, но их я не боюсь: мое золото и мое положение ставят меня над этими вульгарными запорами, в которые стучатся одни плебеи.

Если бы герцогу сказали, что у людей тем не менее существуют идеи справедливости и несправедливости, являющиеся творением той же природы, поскольку их находят у всех народов и даже у тех, кто вообще не приобщен к цивилизации, он бы ответил, что эти идеи относительны, что сильнейший всегда находит справедливым то, что слабый считает несправедливым, и если бы их поменяли местами, то соответственно изменились бы и их мысли, из чего Бланжи делает вывод, что то, что доставляет удовольствие, – справедливо, а что неприятно – несправедливо. Что в тот момент, когда он вытаскивает сто луидоров из кармана прохожего, он совершает поступок, справедливый для себя, хотя обокраденный им человек должен на это смотреть по-другому. Так что эти понятия всего-навсего произвольны и только совершенный безумец может себя ограничивать ими. С помощью подобной философии герцог оправдывал все свои поступки, эти аргументы казались ему убедительными. Творя таким образом свою жизнь с помощью своей философии, герцог с самой ранней юности пустился в самое постыдное и поразительное распутство. Его отец, рано умерший, оставил ему, как я уже говорил, огромное состояние, но поставил условием, чтобы при жизни его матери значительная часть состояния принадлежала ей. Это условие очень скоро разонравилось Бланжи; злодей увидел свое спасение в яде и решил его использовать. Но так как тогда он лишь вступал на путь порока, то не осмелился действовать своими руками и привлек к осуществлению замысла одну из своих сестер, с которой состоял в преступной связи, пообещав ей за это часть полученного таким образом наследства. Девушка побоялась совершить преступление, и герцог, испугавшись раскрытия тайны, ни минуты не поколебавшись, присоединил к избранной жертве и ту, что

еще недавно была его сообщницей. Он отвез обеих в одно из своих загородных имений, откуда им никогда не было суждено вернуться.

Ничто так не воодушевляет, как первое безнаказанное преступление. После этого опыта герцог уже не знал удержа. Едва кто-нибудь оказывал ему малейшее сопротивление, тотчас же в дело шел яд. От убийств по необходимости он вскоре перешел к убийствам из сладострастия. Он постиг злосчастное извращение чувств, позволяющее находить удовольствие в чужих мучениях. Он испытал, как насилие, творимое над другим, приводит в волнение все наши нервы, как побуждает к живейшему действию те из них, что управляют эрекцией, как это потрясение порождает то, что называют страстью похоти.

И вот он начал совершать кражи и убийства единственно ради удовлетворения похоти, точно так же, как другие ради этого отправляются к девкам. В двадцать три года вместе с тремя единомышленниками, которым он сумел внушить свою философию, он остановил на большой дороге дилижанс. Женщин и мужчин они изнасиловали и убили, забрав у жертв все деньги, в которых решительно не нуждались; в тот же вечер все четверо отправились на бал в Оперу, чтобы обеспечить себе алиби. Это преступление не оказалось единственным: две очаровательные барышни были обесчещены и убиты в объятиях их матери. Потом было бесчисленное число других преступлений, но никто не мог заподозрить в них герцога и его сообщников.

Охладев к прелестной супруге, которую его отец вручил ему перед своей смертью, молодой Бланжи не замедлил отправить ее туда же, где уже пребывали его мать, сестра и все другие жертвы, и все это для того, чтобы жениться на другой девушке, достаточно богатой, но с уже испорченной в свете репутацией: он знал, что она – любовница его брата. Это как раз и была мать Алины, одной из героинь нашего романа, о которой шла речь выше. Вторая супруга вскоре разделила участь первой, уступив место следующей, которой была уготована та же судьба. В свете говорили, что причиной смерти жен герцога было его могучее телосложение, представлявшее опасность всякой женщине, и, так как он и вправду был исполином во всех отношениях, это помогало ему скрывать истину. Этот ужасающий колосс наводил на мысль о Геракле и Кентавре: в нем было росту пять футов и одиннадцать дюймов, все члены обладали невероятной силой и энергией, голос был подобен трубе, а нервы как пружины. Добавьте к этому мужественное и надменное лицо с большими черными глазами и красивыми темными бровями, орлиный нос, ослепительные зубы, общий вид, излучающий здоровье и свежесть, широкие

плечи, превосходную фигуру с узкими бедрами и стройными ногами, равных которым не было во всей Франции, характер из железа, лошадиную силу, красивые ягодицы и детородный орган, как у мула, чрезвычайно волосатый, обладающий способностью извергать сперму сколько угодно на дню, – даже в возрасте пятидесяти лет он обладал почти постоянной эрекцией. Величина его члена была восемь дюймов по окружности и двенадцать дюймов в длину. Таков был герцог; вот вам его портрет, как если бы вы его сами нарисовали.

Но если этот шедевр природы был свиреп в своих обычных желаниях, каким же – о Боже великий – он должен был стать, когда им овладевала похоть? Это был уже не человек, а разъяренный тигр. Горе тому, кто служил его страсти: ужасные крики, чудовищные богохульства исторгались из его груди, глаза метали молнии, он хрипел, он исходил пеной, его можно было принять за самого бога похоти. Каким бы способом он ни наслаждался, руки переставали его слушаться, и не раз ему случалось попросту душить женщину в момент своего жуткого экстаза. Очнувшись, с полнейшим равнодушием воспринимал он совершенные только что гнусности, но это безразличие, сменившее страсть, этот род апатии почти сразу же зажигал в нем огонь нового сладострастия.

В пору своей молодости герцог способен был извергать сперму до восемнадцати раз на дню, и член его перед последним излиянием был так же крепок, как и перед первым. И теперь, несмотря на свои полвека, семь-восемь раз в день не слишком смущали его. Лет с двадцати пяти он предавался пассивной содомии и выдерживал атаки так же доблестно, как и проводил их сам, когда тут же менялся ролями. Однажды он побился об заклад, что выдержит пятьдесят пять таких натисков за день. Обладая, как мы знаем, нечеловеческой силой, он одной рукой мог задушить девушку – и делал это не раз. В другой раз он на спор задушил лошадь, зажав ее голову между коленями.

Но подвиги его за столом превосходили, если только это возможно, его альковные подвиги. Трудно было сосчитать то количество пищи, которое он поглощал. Регулярно трижды в день он садился за стол, ел долго и обильно, обычно выпивая по десять бутылок бургундского. Он был способен на спор выпить и тридцать, а то и пятьдесят. Но опьянение действовало на него так же, как похоть: как только выпитые вина и ликеры ударяли в голову, он впадал в бешенство, его приходилось порой связывать.

И при всем том – кто бы мог подумать? – недаром говорят, что душа не всегда соответствует телу, – этого колосса мог привести в трепет отважный ребенок, не

дрогнувший перед ним, а в тех случаях, когда его козни и хитрости не удавались, он бледнел и дрожал, поскольку сама мысль о честной борьбе на равных способна была заставить его бежать на край света. Тем не менее ему пришлось сделать, как водится, одну или даже две кампании, но он так сумел себя опозорить, что вынужден был оставить службу. Защищая свое бесчестие столь же остроумно, сколь и нагло, он доблестно утверждал, что малодушие – не что иное как чувство самосохранения, а уж ни один здравомыслящий человек не сочтет это качество недостатком.

Сохранив в неприкосновенности черты и прибавив к ним внешность несравненно безобразнее описанной выше, мы получим портрет епископа ***. Та же черная душа, та же склонность к преступлениям, то же презрение к религии и атеизм, то же коварство, однако ум более гибкий и проворный, больше искусства в играх с жертвами; рост невысок, здоровье слабое, нервы весьма чувствительны; большая изысканность в утехах плоти, никаких особенных талантов, мужской член самый обыкновенный, пожалуй, маловат даже, но используемый так рачительно и бережливо, что, обладая к тому же пламенным воображением, епископ не уступал брату в постоянной готовности к наслаждению; впрочем, экзальтация и нервное возбуждение достигали у него такой силы, что он нередко терял сознание в момент извержения спермы.

Ему было сорок пять лет. Лицо с тонкими чертами, довольно красивые глаза, но отвратительный рот и зубы; тело белое, без единого волоска, зад маленький, но ладно скроенный; уд пяти дюймов в толщину и десяти в длину. Обожая в равной степени активную и пассивную содомию, все же большее пристрастие имел к пассивной, и это удовольствие, которое не требует большого расхода сил, вполне соответствовало его физическим данным. Позже мы поговорим о других его пристрастиях.

Что касается чревоугодия, то здесь он не отставал от брата, но при этом проявлял больше тонкости. Негодяй, ничуть не меньший, он обладал некоторыми чертами характера, которые, без сомнения, приравнивали его к известным поступкам только что описанного героя. Достаточно рассказать об одном из них, и читатель, познакомившись с тем, что следует ниже, сам будет судить, на что способен подобный человек.

Один из его друзей, человек очень богатый, имел когда-то связь с благородной девицей, от которой родил двоих детей, девочку и мальчика. Жениться на ней

он так и не смог, и той пришлось выйти замуж за другого. Любовник злополучной девицы рано умер, оставив огромное состояние. Наследников у него не было, он решил оставить все состояние своим внебрачным детям. На смертном одре он поведал о своем намерении епископу и, поручив ему заниматься наследством и воспитанием детей, передал два одинаковых портфеля, предназначенных детям по достижении возраста, предусмотренного законом. Переданные деньги он просил вложить в банк, чтобы за это время состояние удвоилось. Он также просил епископа не сообщать их матери о том, что он сделал для детей, и вообще никогда не упоминать при ней его имени. Приняв все эти предосторожности, умирающий закрыл глаза, а епископ оказался обладателем миллиона в банковских чеках и попечителем двух детей. Негодяй раздумывал недолго: умирающий никому, кроме него, не говорил о своих намерениях, их мать ничего не знала, а дети были несмышлениши. Он объявил, что его друг завещал свое состояние бедным, и немедленно все присвоил себе. Но ему было мало разорить двух несчастных детей. Епископ, которого одно преступление вдохновляло на другое, воспользовавшись пожеланием своего друга, взял детей из пансиона, где они содержались, и поместил их у своих людей, надеясь со временем заставить их послужить его гнусному сластолюбию. Епископ ждал, когда дети достигнут тринадцатилетнего возраста.

Мальчику тринадцать исполнилось первому. Епископ силой подчинил его своим порочным наклонностям; так как мальчик был очень красив, он наслаждался им целую неделю.

Девочке повезло меньше: она к указанному возрасту оказалась дурнушкой, но это не остановило епископа. Удовлетворив свои желания, он рассудил, что, если он оставит детей в живых, может раскрыться правда об их наследстве. И он отвез их в имение своего брата, где, уверенный, что новое преступление вновь разожжет в нем угасший было огонь сладострастия, принес обоих в жертву своим диким страстям, сопроводив смерть детей чудовищными жестокостями, исходя похотью среди их мучений. К несчастью, подобные секреты хранятся надежно и нет среди закоренелых развратников ни одного, кто не изведает, как убийство способствует наслаждению и насколько увеличивает сладость извержения семени.

Пусть эта истина послужит предостережением читателю, перед тем как он приступит к чтению труда, где эта теория раскрыта подробно.

Итак, уже не тревожась по поводу всех этих дел, его преподобие возвратился в Париж наслаждаться плодами своих злодейств, не испытывая никаких угрызений совести от того, что нарушил клятвы тому, кто уже не мог чувствовать ни боли, ни радости.

ПРЕЗИДЕНТ КЮРВАЛЬ являлся старейшиной общества. Ему было под шестьдесят. Потрепанный развратом, он представлял собою совершеннейший скелет. Он был высок, сух и тонок в кости. Запавшие потухшие глаза, синюшные, нездоровые губы, длинный нос, выступающий вперед подбородок. Шерсть, как на сатире, спина плоская, дряблые ягодицы смахивали на две грязные тряпки, спускающиеся с поясницы; кожа на них была настолько иссечена многочисленными ударами розог, что ее можно было накрутить на палец, он бы и не почувствовал. А посреди этого, как дар, от которого трудно отказаться, зияло жерло, огромный диаметр которого, цвет и запах напоминали скорее отверстие стульчака в нужнике, чем дыру в заднице. Чтоб оценить всю прелесть, надо узнать о милой привычке этой содомской свиньи оставлять вышеописанную часть своего тела в такой неопрятности, что она постоянно была украшена валиком пальца в два толщиной. Из-под морщинистого, синюшне-бледного живота виднелся в чаше волос инструмент, который в момент эрекции мог достичь восьми дюймов в длину и семи в толщину. Но такое с ним случалось крайне редко, и требовался целый ряд ужасных вещей, чтобы привести его в возбуждение. Однако раза два-три в неделю такое случалось. Президент без всякого разбора втыкал свой член во все отверстия, хотя задний проход юноши был для него всего предпочтительнее. Президент сделал себе обрезание и, таким образом, головка его члена никогда не была закрытой, – процедура, облегчающая и усиливающая восторги плоти, которой не мешало бы подвергнуться всем сластолюбцам.

Но одна из целей такой операции – содержание этой части тела в большей чистоте – с Кюрвалем достигнута не была: он был так же грязен спереди, как и сзади. Грязный всем своим обликом, президент соединял с этой нечистоплотностью и пристрастия по меньшей мере столь же свинские, и запах, исходивший от него, вряд ли показался кому-нибудь приятным. Но приятели президента не обращали внимания на такие мелочи и ни разу не пожаловались ему. Мало отыщется в свете людей, столь нескромных на язык и столь развратных, как президент, а так как он был развратником, поднаторевшим в разврате и пресыщенным, то распутство его было самым скотским и мерзким. Три часа кряду не меньше самых разнузданных бесчинств требовалось, чтобы

сладострастие начало щекотать его нервы. Что же касается излияния спермы, то хотя это случилось с ним чаще, чем восстание плоти – раз в день обязательно, – но было довольно скудным и вызывать его можно было при помощи столь странных и часто очень жестоких и грязных ухищрений, что исполнители часто отказывались от исполнения; это приводило президента в состояние бешенства, иной раз приводившего к желанному результату лучше, чем все усилия. Кюрваль настолько погряз в трясине разврата и всяческих непотребств, что уже не мог изъясняться пристойными словами; что на уме, что на языке у него была грязь, и самые скверные ругательства у него перемежались ужасающими проклятиями и богохульством. Эта распущенность в мыслях, усиленная к тому же беспробудным пьянством, к которому он особенно пристрастился в последние годы, привела к тому, что он производил впечатление человека, опустившегося на самое дно, что, кстати говоря, его вполне устраивало и радовало.

Рожденный чревоугодником и пьяницей, он один был в состоянии не отставать здесь от герцога, и в ходе нашего повествования мы еще увидим немало примеров, удививших самых завзятых обжор.

Вот уже десять лет Кюрваль не исправлял должность президента суда не только потому, что был уже не в состоянии; думаю, если бы он и мог еще что-то делать, его бы упросили никогда больше не утруждать себя.

Кюрваль вел жизнь истинного либертина; был близко знаком с любыми отступлениями от правил; люди, знавшие его хорошо, подозревали, что в основе его огромного состояния лежат два или три отвратительных убийства. Как бы то ни было, судя по тому, что произойдет в дальнейшем, именно этот вид отклонений от правил его возбуждал в высшей степени; такое преступление, сведения о котором были мало кому известны, привели к его удалению из Палаты.

Сейчас мы поведаем об этой истории, чтобы читатель окончательно уяснил себе нрав Кюрваля.

По соседству с домом проживал бедный ломовой извозчик, отец прелестной девочки, который был настолько смешон, что обладал возвышенными чувствами. Уже раз двадцать к нему и его жене обращались с предложениями за большие деньги уступить девочку, но родители упорно отказывались. Тогда Кюрваль, отправитель этих посланцев, которого отказы только возбуждали, не зная, как заполучить девочку в свою постель, решил, что проще всего избавиться от

бедняги. План был так же хорошо продуман, как хорошо и выполнен. Два или три мошенника, нанятых президентом, занялись этим, и не прошло и месяца, как бедняга был обвинен в преступлении, которого никогда не совершал и которое прямехонько привело его в Консьержери. Президент, как вы можете легко сообразить, сразу принял это дело и, так как он не был заинтересован в проволочках, то благодаря мошенничеству Кюрваля и его деньгам несчастный в три дня был приговорен к колесованию, хотя ни одного преступления в своей жизни не совершил и только хотел уберечь честь свою и дочери. Между тем домогательства возобновились. Призвали мать девочки и представили ей, что она – единственная, кто может спасти мужа, если согласится на предложение президента. Несчастливая обратилась за советом – к кому, вы догадываетесь; ответ был: медлить нельзя. Злосчастная мать, плача, сама привела дочку к ногам судьи; он обещал все, ни в малейшей степени не собираясь сдержать свои обещания. Он не только опасался, что в случае освобождения муж узнает, какой ценой оплачена его жизнь, но злодею было особенно сладко получить обещанное, не выполнив обещания. В этом эпизоде злодейств Кюрваль позволил себе соединить наивысшую пикантность с наивысшим вероломством.

Его дом находился напротив того места в Париже, где совершались казни; так как мнимое преступление учинено было якобы в этом квартале, то и казнь должна была происходить как раз там. В назначенное время Кюрвалю привели жену и дочь несчастного. Негодяй, знавший о часе казни, выбрал этот момент, чтобы обесчестить дочь в объятиях матери, и все устроил с такой предусмотрительностью, что излился в зад девочки в ту самую минуту, когда ее отец испустил дух. Как только дело было сделано, он закричал: «А теперь взгляните, как я сдержал свое обещание!» И открыл окно. Когда несчастные увидели своего мужа и отца истекающим кровью под сталью палача, обе лишились чувств. Но Кюрваль все предвидел; обморок стал их агонией: обе были отравлены и навеки смежили очи.

Хотя он принял меры предосторожности, чтобы навсегда скрыть эту историю, кое-что все же просочилось наружу. О смерти женщин не узнал никто, но в деле мужа заподозрили злоупотребление по должности. Мотив преступления был наполовину известен, и отставка президента была решена.

С этого момента Кюрваль, которому не надо было больше соблюдать внешних приличий, погрузился в пучину разврата и преступлений. В угоду своим извращенным вкусам он выискивал жертвы повсюду. Из особо утонченной жестокости и в виду легкой доступности он предпочитал обращать свое

внимание на людей, обделенных судьбою. Множество женщин, ютящихся на чердаках и в убогих лачугах, отмеченных самой жалкой нищетой, заманивал он к себе под предлогом оказания помощи и отравлял их – это было его излюбленное развлечение. Или он приносил их в жертвы своим извращенным вкусам, собственноручно пытая их до смерти. Мужчины, женщины, дети – все годились для удовлетворения его бешеной страсти. Тысячу раз эти преступления могли стоить ему головы, и тысячу раз его влияние и деньги спасали его. Легко себе представить, что этот изверг был не более религиозен, чем его сотоварищи; он ненавидел религию столь же сильно, но сделал нечто большее для искоренения ее в людских сердцах: несколько его антирелигиозных сочинений наделали в свое время много шума, и он до сих пор гордился этим успехом, и воспоминания о нем тешили его не меньше, чем радости сладострастия.

Увеличим же число наших любителей наслаждений.

ДЮРСЕ было пятьдесят три года, он был мал ростом, толст и коренаст, лицо имел миловидное и свежее, кожу очень белую; все тело, особенно бедра и ягодицы, у него было как у женщины; задница свежая, крепкая и пухленькая, но с ярко выраженной привычкой к содомии; его инструмент любви был удивительно маленьким, с трудом достигал двух дюймов в толщину и четырех в длину; извержения семени были у него редки, мучительны и малообильны, им предшествовали спазмы, которые приводили его в бешенство и толкали на преступления; грудь у него тоже походила на женскую, голос был нежный и приятный. В обществе он слыл порядочным человеком, хотя душа его была не менее черна, чем у его приятелей. Дюрсе был школьным товарищем герцога, в юности они ежедневно вместе забавлялись, и одним из любимых занятий Дюрсе было щекотать свой задний проход огромным членом герцога.

Таковы, читатель мой, все четыре развратника, вместе с которыми ты, с моей помощью, проведешь несколько месяцев. Я тебе их описал, стараясь, чтобы ты их немного узнал и чтобы тебя не удивляло то, о чем ты дальше прочитаешь. Я не стал входить в некоторые подробности их пристрастий: это могло бы отвратить тебя от произведения в целом. Но по мере развития рассказа ты будешь следить за ними со вниманием, разберешься в мелких греховных проказах и той могучей маниакальной страсти, которой каждый из них был отмечен наособицу. Что можно сказать о них вместе и о каждом в отдельности, так это то, что все четверо были приверженцами содомии, и все четверо

поклонялись заду. Герцог, однако, по причине величины своего органа, скорее из жестокости, чем из страсти, с не меньшим удовольствием использовал дам и спереди. Президент тоже, но редко; что же касается епископа, то он к этой части женского тела испытывал отвращение столь сильное, что одно лишь зрелище этого могло обессилить его чуть ли не на полгода. Лишь один раз в жизни он имел совокупление со своей невесткой, да и то ради рождения ребенка, который позже мог доставить ему наслаждение кровосмесительной связи, – мы уже видели, как он преуспел в этом. Что касается Дюрсе, то он обожал зады не менее епископа, но пользовался ими более умеренно. Его предпочтением пользовался третий храм. Продолжение рассказа разоблачит нам и эту тайну.

Закончим портреты вдохновителей этого дела и дадим читателям представление о супругах почтенных мужей.

Какой контраст!

КОНСТАНЦИЯ, жена герцога и дочь Дюрсе, была высокой и стройной женщиной, сложенной так, словно три Грации потрудились над ней. Изящество ее ничуть не умаляло ее свежести, формы ее были округлы, но без всякой пухлоты, кожа белее лилии, и казалось, что сам Амур создал ее с особым старанием. Несколько удлиненное, с чрезвычайно благородными чертами лица, более величественности и властности, чем приветливости и лукавства. Ее глаза были большими, черными и полными огня; рот маленький: в нем можно было увидеть великолепные зубы и маленький узкий ярко-алый язык; дыхание было нежнее запаха розы. Груды округлы, высоки, белоснежны и крепки, как алебастр; бедра изумительного изгиба переходили в зад, изваянный так томно и тонко, что Природа, казалось, не скоро создаст что-либо совершеннее. Ягодицы были белые, крепкие и нежные, и между ними отверстие, восхитительно чистое, милое и даже источающее аромат розы. Какой очаровательный приют для самых нежных услад! Но, боже мой, как недолго сохранились эти прелести. Четыре или пять «приступов» герцога совершенно растерзали эту красоту, и Констанция после замужества уже напоминала прекрасную лилию, сорванную бурей со своего стебелька. Два бедра, округлых и великолепно отлитых, обрамляли другой храм, настолько привлекательный, что мое перо тщетно ищет слова, чтобы его воспеть. Констанция была наполовину девственницей, когда герцог женился на ней; ее отец, как мы об этом говорили, единственный мужчина, которого она знала до мужа, позволил ей остаться нетронутой с этой стороны.

Прекрасные черные волосы волнами падали ей на спину, струились по ее телу, закрывая ее всю, вплоть до влекущего женского органа, прикрытого сверху волосами того же цвета – еще одного украшения, завершающего этот ангельский облик.

Ей было двадцать два года, и она обладала всем очарованием, каким только природа могла наделить женщину. Все эти очарования соединялись в Констанции с рассудительностью, приятным обхождением и умом, слишком возвышенным для той роли, которую предназначила ей судьба, ибо она сознавала весь ужас своего положения. Она, конечно, была бы счастливее, окажись менее тонкой и чувствительной. Дюрсе, воспитавший ее скорее как куртизанку, чем как свою дочь, и который больше заботился об ее уме, чем о нравственности, все же не мог искоренить в ее душе принципы порядочности и добродетели. Религиозного образования она не получила; о религии с ней никогда не говорили, никогда не докучали религиозными церемониями, и все-таки в ней сохранилась та стыдливость, та прирожденная скромность, не зависящая от религиозных бредней и трудно истребимая в душе порядочной и чувствительной. Она никогда не покидала дома отца, а тот уже в двенадцать лет заставил ее служить удовлетворению порочных инстинктов. Но в том, как повел себя с ней герцог, она обнаружила разительное отличие. Уже на другой день после того, как герцог лишил ее девственности по-содомски, она тяжело заболела. Опасались даже разрыва прямой кишки. Молодость, здоровье и тропические травы вскоре позволили герцогу снова следовать этим запретным путем, и бедная Констанция смирилась с ежедневной, но, впрочем, не единственной пыткой; постепенно она, однако, привыкла ко всему.

АДЕЛАИДА, жена Дюрсе и дочь президента, была красавицей, может быть, еще более совершенной, чем Констанция, но совсем в другом роде. Ей было двадцать лет. Маленького роста, хрупкая, нежная и деликатная, с великолепными золотистыми волосами; участливость и мягкосердечие, сквозившие во всем ее облике и прежде всего в чертах лица, придавали ей сходство с героиней какого-нибудь чувствительного романа. У нее были огромные голубые глаза, выражавшие разом и нежность, и сдержанность. Высокие тонкие брови, причудливо очерченные, окаймляли невысокий, но благородный лоб, казавшийся храмом целомудрия; нос с горбинкой, немного напоминающий орлиный, тонкие яркие губы; рот был немного великоват: пожалуй, единственный недостаток ее небесной внешности. Когда рот приоткрывался, можно было видеть тридцать две жемчужины зубов, которые природа, казалось, поместила среди роз. Шея

была несколько длинновата, но странным образом это делало ее еще привлекательней; Аделаида имела манеру чуть наклонять голову к правому плечу, особенно когда слушала кого-нибудь. И сколько же грации было в этом заинтересованном внимании! Груды были маленькими и округлыми, очень крепкими и упругими, и могли уместиться в одной ладони, два яблочка, которые Амур, играя, принес из сада своей матери. Кожа на груди была нежна, живот гладкий, как атлас; маленький пригорок внизу живота, обильно покрытый светлым пушком, служил перистилем храма, освященного, казалось, самой Венерой. Тесным был вход в этот храм, даже проникновение пальца вызвало бы крик боли; тем не менее, десять лет назад благодаря президенту бедное дитя потеряло невинность и в этом храме, и в том, к описанию которого мы приступаем. Сколь же привлекателен был этот второй храм, какие красивые линии бедер и низа спины, какие восхитительные нежно-розовые ягодицы! Все здесь было на редкость миниатюрно. Во всех своих очертаниях Аделаида была скорее эскизом, чем моделью красоты. Природа, столь величественно проявившаяся в Констанции, здесь, казалось, лишь слегка наметила контуры. Раздвиньте этот нежный задик, и вам откроется бутон самый свежий и самый алый из тех, что может предложить природа. Но как узок и чувствителен вход! Президенту потребовалось немало усилий, чтобы войти туда, и он преуспел лишь после двух или трех попыток. Дюрсе, менее требовательный, надоедал ей гораздо реже, но с тех пор, как она стала его женой, скольким жестоким и опасным для здоровья экзекуциям подвергался этот маленький проход! Впрочем, даже если Дюрсе ее щадил, она, предоставленная по договору в полное распоряжение всех четырех развратников, должна была выдержать еще много свирепых натисков. Аделаида обладала характером, соответствующим ее внешности: иначе говоря, была натурой весьма романтической. Она предпочитала для прогулок уединенные уголки и там в одиночестве проливали невольные слезы, рожденные смутным предчувствием, которое никто не мог бы объяснить толком. Недавно она потеряла обожаемую подругу, и эта утрата являлась без конца ее воображению. Хорошо зная своего отца и его порочные наклонности, она была уверена по многим признакам, что ее подруга стала жертвой насилия президента.

Что касается религии, то здесь президент не принял мер по примеру Дюрсе с Констанцией, поскольку был совершенно уверен, что его речи и книги навсегда отвратили дочь от религии. И ошибся: религия стала неотъемлемой частью души Аделаиды. Президент мог сколько угодно поучать ее и заставлять читать его книги – она оставалась набожной; все извращения, которые она всей душой ненавидела и жертвой которых была, не могли отвратить ее от религии, составляющей всю радость ее жизни. Она пряталась, чтобы молиться и

совершать религиозные обряды, за что бывала сурово наказана как отцом, так и мужем, когда они ее заставляли. Аделаида стоически переносила свои страдания, глубоко убежденная, что будет вознаграждена в ином мире. Ее характер был мягким и кротким, а попытки благотворительности доводили ее отца до бешенства. Презируя класс бедняков, Кюрваль стремился еще больше его унижить или найти в его среде жертв; его великодушная дочь, напротив, готова была все отдать несчастным, часто тайком вручала им свои деньги, выданные ей на мелкие расходы. Дюрсе и президент без конца бранили и отчитывали ее за это и, в конце концов, лишили абсолютно всех средств. Аделаида, не имея больше ничего предложить беднякам, кроме слез, горько плакала по поводу совершаемых злодеяний, бессильная что-либо исправить, но по-прежнему милосердная и добродетельная. Однажды она узнала, что некая женщина, понуждаемая страшной нищетой, собирается за деньги принести свою дочь в жертву президенту. Президент уже начал готовиться к процедуре столь любимого им наслаждения. И тут Аделаида продала одно из своих платьев и вырученные деньги отдала матери девочки, отговорив ее от преступления, которое та едва не совершила. Узнав об этом, президент (его дочь еще не была замужем) наказал ее столь жестоко, что она две недели пролежала в постели. Но даже подобные меры не могли остановить благородных порывов этой возвышенной души.

ЮЛИЯ, жена президента и старшая дочь герцога, могла бы затмить первых двух женщин, если бы не существенный, на взгляд многих людей, изъян, хотя именно он, может быть, и пробудил страсть Кюрваля, ведь причины, вызывающие страсть, часто непостижимы. Юлия была высокой и хорошо сложенной, хотя излишне полновата и рыхла, у нее были красивые каштановые волосы, белое дородное тело; женский орган – горячий и узкий, обещающий самые приятные удовольствия, красивые икры и прелестные лодыжки. А вот рот некрасивой формы с плохими зубами, притом она была чрезвычайно неопрятна, это касалось и всего тела в целом, и двух храмов любви – здесь она была достойной президента; повторяю, вряд ли кто другой, несмотря на всю привлекательность Юлии, смог бы выдержать ее нечистоплотность. Но Кюрваль был от нее в восторге: с этих зловонных уст он срывал цветы удовольствия, он приходил в исступление, целуя ее; что же касается нечистоплотности, то он был далек от того, чтобы упрекать ее за это, даже наоборот, его вполне устраивало, что она была в таком разладе с омовениями. К этим недостаткам Юлии добавлялись и другие, но менее неприятные: она была невоздержанна в еде, имела склонность к пьянству, добродетелью не отличалась, и я думаю, что, осмелюсь, она вполне могла бы торговать собой на улице. Воспитанная герцогом в забвении всех

правил и принципов, она легко усвоила его философию. Как нередко бывает в разврате, женщина, обладающая теми же недостатками, что и мужчина, нравится ему меньше, чем та, что исполнена добродетели. Одна ведет себя как он, другая в ужасе от его поступков, – и вот именно этим она уже желанна и влечет к себе.

Герцог, имеющий, как мы помним, могучее сложение, с удовольствием пользовался своей дочерью, хотя ему пришлось дожидаться ее пятнадцатилетия, а потом (поскольку он хотел выдать ее замуж) принять меры к тому, чтобы не нанести ей слишком большой ущерб; так что, в конце концов, он был вынужден довольствоваться менее опасными удовольствиями, хотя и не менее утомительными для нее. Юлия мало выиграла, став женой президента, у которого, как мы помним, был огромный член, к тому же он был нечистоплотен, но и она сама была грязнулей, хотя эта грязь не шла ни в какое сравнение с той грязью порока, которой в высшей степени обладал ее драгоценный супруг.

АЛИНА, младшая сестра Юлии и в действительности дочь епископа, не была похожа на свою сестру ни характером, ни привычками, ни недостатками. Она была самая молоденькая из четырех: ей едва исполнилось восемнадцать. У нее была пикантная физиономия, свежая и задорная, вздернутый носик, карие глаза, полные живости и огня, прелестный рот, стройная талия, хотя несколько широковатая; она вообще была в теле, кожу имела несколько смуглую, но нежную и приятную, ягодички весьма пышные и округлые: это место у нее было пределом мечтаний развратника. Женский орган красивый, покрытый темными волосами и расположенный несколько низко, что называют «по-английски», но узкий; когда ее представляли ассамблее, она была девственницей и оставалась ею к моменту нашего рассказа, – мы увидим, как разрушительны были первые опыты. Что касается заднего прохода, то едва ей исполнилось восемь лет, епископ начал им пользоваться ежедневно, но никакого вкуса к этим занятиям она не получила и, несмотря на свой шаловливый и возбуждающий мужчин вид, не испытывала ни малейшего удовольствия от тех забав, жертвой которых становилась ежедневно. Епископ мало заботился о ее образовании. Она едва научилась читать и писать. О религии она вообще не имела никакого понятия и оставалась ребенком во всем: продолжала играть в куклы, смешно отвечала на вопросы, нежно любила свою сестру. Епископа она ненавидела, а герцога боялась как огня. В день свадьбы, оказавшись голой среди четырех мужчин, она заплакала, но выполнила все, что от нее потребовали – без всякого удовольствия.

Она была очень чистоплотной и трезвенницей. Ее единственным недостатком была лень. В ее поведении, облике, во всех ее поступках чувствовалась небрежность. Президента она ненавидела не меньше, чем своего дядю, и только Дюрсе, который тоже с ней не церемонился, был единственным, к кому она не питала отвращения.

Таковы восемь главных персонажей, с которыми вам придется сжиться, дорогой читатель. Пришло время снять покров с предмета тех причудливых и предложенных нам наслаждений.

Истинными распутниками уже признано, что ощущения, воспринимаемые органами слуха, принадлежат к числу дающих самые живые впечатления. Наши четыре развратника, пожелавшие вкусить порок во всей полноте и глубине, придавали слуховым ощущениям особое значение. Вот почему и зашла речь о том, чтобы освоить все способы сладострастия и все возможные его разновидности и оттенки, словом, о самом глубоком постижении самого языка порока. Трудно даже себе представить, до какой степени человек способен разнообразить порок, когда его воображение воспламеняется! И тот, кто смог запечатлеть во всех деталях и во всем разнообразии способы достижения сладострастных ощущений, создал бы одну из самых прекрасных и, может быть, самых захватывающих книг на свете. Потребовалось бы собрать воедино все эти сюжеты, проанализировать их, классифицировать и превратить в живой рассказ.

Такая попытка и была проделана. После бесчисленных консультаций и долгих поисков были, наконец, найдены четыре женщины, уже в возрасте (наличие опыта было главным условием при отборе кандидатур), чья жизнь прошла в самом разнузданном разврате, в котором им и предстояло отчитаться. Чтобы соответствовать требованиям отбора, они должны были, кроме всего прочего, обладать красноречием и определенной гибкостью ума. Каждая из них должна была рассказать о самых причудливых проявлениях порока, какие она только встречала в своей жизни, причем в такой последовательности, что первая из них поведаст о ста пятидесяти самых простых и обычных удовольствиях, вторая опишет такое же количество страстей более изощренных, связанных с одним или несколькими мужчинами или женщинами. Третья расскажет о ста пятидесяти самых преступных эпизодах, участники которых преступили все законы общества, природы, запреты церкви. Все эти истории приведут к преступлениям, а совершаемые в пороке преступления необыкновенно варьируются; этих историй тоже будет сто пятьдесят. Четвертая присоединит к

событиям своей жизни рассказ о ста пятидесяти различных пытках. В течение всего необходимого для рассказа времени наши герои, окруженные, как я уже выше говорил, своими женами и другими персонами обоих полов, будут слушать, воспламеняться и с помощью женщин или других субъектов гасить пожар, рассказчицами зажженный. Может быть, самым сладострастным в этом проекте будет сам дух спектакля и манера, в которой все это будет происходить. Эта манера и сами рассказы будут формировать наше произведение, которое я заранее не советую читать набожным и слабонервным людям, чтобы не быть скандализированными, поскольку само собой очевидно, что наш план не слишком целомудрен.

Так как четыре актрисы, о которых идет речь, играют в настоящей повести очень важную роль, просим еще раз прощения у читателя за то, что мы вынуждены и их обрисовать. Они будут действовать в своих рассказах – так можно ли их не описать? Не ожидайте от нас портретов особенной красоты, воспевающих их физические и нравственные качества. В данном случае главную роль играют не привлекательность или возраст, а ум и опыт, и в этом смысле услуги их оказались неоценимыми.

МАДАМ ДЮКЛО – так звали ту, которая опишет нам сто пятьдесят простых страстей. Это была женщина сорока восьми лет, хорошо сохранившая былую красоту, с прекрасными глазами, белой кожей, красивым и пышным задом, свежим ртом, прекрасной грудью и роскошными темными волосами, с полной, но высокой талией и манерами девицы из хорошей семьи. Как мы дальше увидим, она провела жизнь в местах, которые смогла хорошо изучить и которые описала с умом и непринужденностью, легко и заинтересованно.

МАДАМ ШАМВИЛЬ была высокой женщиной пятидесяти лет, хорошо сложенной, худой, сладострастие сквозило и во взгляде, и в наклонностях. Безусловная подражательница Сафо, выказывающая это в каждом жесте, в каждом словечке. Не будь этого пристрастия, которому она пожертвовала все, что заработала своим ремеслом, она бы жила, ничем себя не стесняя. Ремесло же ее заключалось в том, что долгое время она была публичной девкой, а в последние несколько лет освоила профессию сводни. Но сводни с разбором: в круг ее клиентов входили лишь распутники в летах, молодежь она никогда не допускала: эта предосторожность оказалась весьма прибыльна, и мадам Шамвиль сумела несколько поправить свои дела.

В ее белокурых волосах уже пробивалась седина, но голубые глаза были все еще живы и выразительны. Хорошо сохранившаяся грудь, выступающий вперед низ живота, клитор в момент возбуждения вырастал до трех дюймов, и она умирала от наслаждения, когда ей щекотали клитор, особенно если это делала женщина. Зад дряблый, помятый и от злоупотребления ее привычками, о которых мы еще будем иметь случай рассказать, потерявший всякую чувствительность, с задом Шамвиль можно было делать все, что угодно.

Что удивительно вообще, и особенно удивительно для Парижа, она была по этой части девственна, подобно только что выпущенной из монастырского пансиона благонравной девице. Если не считать поверхности зада, которой во все тяжкие пользовались обладатели экстравагантных удовольствий, не желавшие проникнуть меж ягодиц, а довольствующиеся лишь внешней поверхностью этих полушарий, то Шамвиль так и осталась девственной сзади.

МАРТЕН – толстая мамаша пятидесяти двух лет, довольно свежая и здоровая, наделенная ягодицами, мощь и великолепие которых трудно превзойти, предлагала удовольствия прямо противоположные. Всю жизнь провела она среди содомитов и так пообвыкла, что только о таких удовольствиях и думала. Ошибка природы, перегородившая к ней вход спереди, заставила ее познавать все радости любви только сзади. Зато она принимала всех без разбора, самые чудовищные мужские орудия не могли ее испугать, она даже предпочитала их более скромным. Ее воспоминания о сражениях под знаменем Содома будут для нас особенно ценными. Черты ее лица были не лишены приятности, но в них уже чувствовалась усталость, и только дородность мешала ей выглядеть совсем увядшей.

В ДЕГРАНЖ соединились воедино преступление и сластолюбие. Она была высокая и худая, пятидесяти шести лет. Лицо ее было бледным и испитым, глаза погасшими, губы мертвыми. Она сама была похожа на преступление, кровавое и жестокое. Некогда она была брюнеткой, и даже хорошо сложена, но сейчас была похожа на скелет, вызывающий лишь отвращение. Ее зад, многими трудами изнуренный, многими отметинами испещренный, истрепанный, изорванный, был покрыт, казалось, не человеческой кожей, а исписанной вдоль и поперек гербовой бумагой. Дыра в нем была столь огромной, что им могли пользоваться любые, самые тяжелые пушки, и это сделало его в конце концов совсем бесчувственным. Чтобы закончить портрет, скажем, что эта воительница, пострадавшая во многих схватках, была без одной груди и трех пальцев, у нее

также не было одного глаза и шести зубов; к тому же она хромала. Мы узнаем, может быть, почему она так пострадала. Ничто не могло ее исправить, и если тело ее было безобразным, то душа была средоточием пороков и неслыханных мерзостей. Не было, наверное, такого преступления, которое она бы не совершила: она убивала и грабила, насильничала и отравляла, за ней были грехи отцеубийства и кровосмесительства. В настоящий момент она содержала публичный дом, была одной из признанных всем обществом сводниц и поскольку ее богатый опыт сочетался с весьма своеобразным жаргоном, она и была приглашена на роль четвертой рассказчицы, той, в чьих рассказах ожидалось больше всего ужасов. Кто бы лучше нее, все пережившей на собственном опыте, мог справиться с этой ролью?

Теперь женщины найдены, и найдены именно такие, каких хотели найти. Пришла пора заняться менее важными персонажами.

Поначалу желательно было окружить себя возможно большим числом предметов сластолюбия. Но приняв в расчет, что единственным удобным для этих развлечений местом может послужить тот самый уединенный замок Дюрсе в Швейцарии, где он провернул дельце с крошкой Эльвирой, а в этом не столь уж обширном замке не разместить такое огромное количество обитателей, да и угроза, что кто-либо из этого множества поспособствует ненужной огласке, положили ограничиться тридцатью двумя персонами, включая, разумеется, четырех подобранных рассказчиц: восемь мальчиков, восемь девочек, восемь молодых людей постарше с детородными органами такой величины, что они смогли бы порадовать господ в утехх Содома, да еще четыре прислужницы. Но все эти предметы должны были быть отысканы; целый год ушел на эти поиски, немалые суммы были на эти поиски израсходованы, и вот какие меры потребовались, чтобы добыть самый сладкий товар, какой может предложить Франция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/markiz-sad/120-dney-sodoma-ili-shkola-razvrata-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)